



В целом вырисовывается следующая картина: возможность распознавания человеческой речи существует, но необходим иной подход в методике этого распознавания, в частности для русского языка.

Итак, феномен компьютеризации дает реальную возможность преодоления разрыва между двумя культурами: естествознанием и точными науками, с одной стороны, и гуманитарными – с другой. В этом смысле компьютеризация очерчивает контуры науки будущего – «размывание» границ между обособленными ранее культурами, становление

нового стиля мышления, увеличения возможностей развития духовного, интеллектуального мира человека как истинного мерила общественного богатства.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1965.
- <sup>2</sup> Богданов А.А. Всеобщая организационная наука – тектология. М., 1925.
- <sup>3</sup> Винер Н. Указ. соч. С.123.
- <sup>4</sup> Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
- <sup>5</sup> Казанцева К.В., Урсул А.Д. Отражение, знание, информация // Науч.-техн. информ. Сер.2. 1981. №1. С.6.

УДК 1:316.3

## ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

М.О. Орлов, С.А. Данилов

Саратовский государственный университет,  
кафедра теоретической и социальной философии  
E-mail: orok-saratov@mail.ru

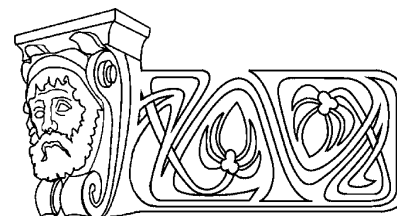
Статья посвящена этике ответственности, исследованию динамики глобальных процессов современности. Авторы изучают стратегию дискурсивного управления, которые позволяют диагностировать позитивные и негативные тенденции в ходе глобализации и осуществлять коррекцию глобального развития.

#### Globalization as a Dynamic Phenomenon of the Present

М.О. Orlov, S.A. Danilov

The article deals with ethics of responsibility and analyses dynamics of modern global processes. The authors explore the strategies of discourse management, allowing to diagnose positive and negative tendencies in the course of globalization and to realize the correcting of global development.

При анализе процессов глобализации, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание динамике процессов технологических изменений, лежащих в ее основе. Между тем именно технико-технологическая динамика привела к радикальному обновлению средств производства и обусловила далеко идущую трансформацию институтов общества и его ценностных оснований. Явления, обозначаемые как информационная и коммуникационная революция, стали основой для целого ряда социально-теоретических концепций



общества, заставляя переосмыслить отношение к таким фундаментальным понятиям, как пространство, время, действительность.

Исходный пункт, относительно которого наблюдается наибольшее согласие в дискуссии о сущности глобализации, был высказан Д. Харвеем еще в самом начале этой дискуссии<sup>1</sup>. Он характеризует глобализацию как процесс сжатия (компрессии) временных и пространственных дистанций. Действительно, расстояния, для преодоления которых конвенциональными средствами передвижения требовались недели–месяцы–годы, сегодня преодолеваются за часы. Это означает, что для определенных видов действия, например, индивидуальной языковой коммуникации категория пространства как среды этого действия во многих случаях просто исчезает (становится совершенно все равно, где находится партнер – в соседней квартире или на противоположном краю земли). Средства мгновенных почты–телефона–факса–интернета в сочетании с новыми институциональными условиями (например, телекоммуникационной, компьютерной, банковской и дру-



гими сетями по всему миру) делают возможными почти мгновенное перемещение информации и денежных ресурсов независимо от расстояний. Этому же способствуют увеличение скоростей средств транспорта и развитие конвенциональных транспортных сетей.

«Сжатие времени» является обратной стороной сжатия пространства. Сокращается время, которое требовалось для совершения сложных пространственных действий. Соответственно каждая единица времени уплотняется, наполняется количеством деятельности, многократно превышающим то, которое можно было совершить когда-либо прежде. Когда время становится решающим условием совершения множества других событий, следующих за определенным действием, ценность времени значительно возрастает.

«Для экономики и ее организаций пространственное измерение действия становится все более иррелевантным при одновременном росте значения измерения времени. Организации политической и правовой системы, напротив, не могут освободиться от территориального принципа или преодолевают его лишь со значительным бюджетом времени и транзакционными затратами. Именно это обстоятельство диаметрально противоположно процессу темпорализации экономической жизни и экономизации времени как ресурса», – справедливо замечает Й. Виланд<sup>2</sup>.

Сказанное позволяет понять, что пространство и время сжимаются не сами по себе, а в рамках комплексных – пространственным и временным образом разведенных – действий. Суть инноваций заключается в возможности эффективного менеджмента пространства и времени в глобальном масштабе: объединения массы событий в разное время и на разных участках земли в единый цикл. В этой согласованной цепочке событий, перемещений, транзакций каждый отдельный элемент приобретает значение для возможности целого. Тем самым степень дифференциации в системе разделения труда, которая со времен Адама Смита остается ключевым фактором промышленной революции Нового времени, выходит на новый уровень<sup>3</sup>. Глобальная система разделения труда позволяет включать в единый производственный процесс достоинства удален-

ных мест конкуренции: например, сочетать интеллектуальный потенциал высокоразвитых стран с дешевой рабочей силой развивающихся стран. Решающим становится сам менеджерский замысел и управление, которое порождает эти сложные цепочки. Концепция «общества менеджеров»<sup>4</sup> в эпоху глобализации лишь упрочивает свое значение.

Функция менеджмента в организации пространственно-временной структуры деятельности заключается не просто в волевом импульсе для комплексного действия. Он снабжает агентов интеракции информацией о содержании конкретных действий в определенное пространство–время. Основания того, зачем и как организовывать пространство–время в комплексных действиях, актеры получают в качестве информации. Власть меритократии, о которой много писал Д. Белл<sup>5</sup>, становится еще более тотальной, чем прежде. В эпоху глобализации требуются значительные массивы информации и знаний, которые бы соответствовали повышению степени комплексности действий. Этот обмен информации совершается в ходе коммуникации, в которую актеры вступают по ходу совершения действий. Требование полноты информации для успешной координации деятельности дополняется требованием полноты и оперативности коммуникации.

Описанная структура комплексных действий (интеракций) не является чем-то специфичным для глобализации. Но именно в условиях глобализации комплексные интеракции преодолевают локальные рамки и приобретают планетарный характер. Благодаря интенсивности коммуникации и темпам обмена информацией становятся возможными действия, охватывающие весь земной шар и длящиеся круглые сутки, включая в себя бесчисленное множество элементарных акций и отдельных актеров. Сама жизнь мирового сообщества характеризуется отныне тем, что ее пронизывают глобальные акции, она обретает глобальное время и глобальную размерность<sup>6</sup>. Глобализация дала новую перспективу, которая, подобно релятивистской теории относительности, позволила установить, что на земле существует много времен и много пространств<sup>7</sup>. Но, научив сравнивать, она одновременно создала глобальный масштаб, который позволяет сопоставлять



эти времена и пространства. Для тех, кто улавливает этот масштаб, размерность событий становится принципиально иной, и именно это создает для них преимущества, которыми не обладают другие, меняя общую конкурентную ситуацию. Эта размерность существенно приближает конституцию реального коммуникационного общества к апелевскому конструкту неограниченного коммуникативного сообщества.

Еще в начале 90-х гг. глобализация едва ли тематизировалась как проблема. В конце 90-х эта тема уже претендовала на прочное лидерство в социальной науке и общественной дискуссии. В названиях научных конференций и заголовках публикаций слово «глобализация» занимает сегодня, возможно, наибольший удельный вес. Ничто не может лучше свидетельствовать о существовании и актуальности феномена. Тем не менее, взгляды на глобализацию очень разнятся, а оценки зачастую носят взаимоисключающий характер: на настоящий момент нет единой точки зрения на то, несет ли она новые возможности или, напротив, опасности, в чем ее сущность и проявления, следует ли глобализации способствовать или ей сопротивляться. Единство наблюдается лишь в одном: глобализация неостановима.

На фоне потока литературы о глобализации бросается в глаза дефицит философско-теоретических работ, в которых присутствует серьезный научный анализ. «Господствующие экономические и социальные теории не анализируют процесс глобализации, — отмечает латиноамериканский автор Ф. Хинкельмерт, — они превозносят его»<sup>8</sup>. Справедливости ради следует отметить, что как раз со стороны экономической и социологической науки этот дефицит заполняется появлением серьезных исследований<sup>9</sup>, в философской области подобных исследований значительно меньше<sup>10</sup>. В настоящий момент трудно назвать автора, исследования которого были бы концептуально доминирующими в данной области.

Сколь оригинален тот процесс, который именуется глобализацией? На наш взгляд, как раз в этом пункте меньше ясности, поскольку схожие процессы углубления международной интеграции наблюдались с середины XIX в. уже несколько раз, но каждый

раз были останавливаемы глубокими кризисными явлениями<sup>11</sup>. Вера в то обстоятельство, что процессы глобализации не являются слепым развитием событий, а поощряются или предотвращаются коллективной политической волей, создает пространство для активных дискуссий. Обсуждение того, какими должны быть формы нового мирового порядка, переводит эту дискуссию из сферы фактичности в область нормативного, составляющего прерогативу философии. Поэтому в значительной части точки зрения, высказываемые по поводу глобализации экономистами, политиками, социологами, имеют социально-этическую природу.

В этой связи перед философами стоит насущная задача создать теоретический фундамент для дискуссий о глобализации и формах ее динамики. Несмотря на то, что явления глобализации носят эмпирический характер, существует потребность концептуального осмысления понятийной базы этих процессов. Глобализация, несомненно, вносит коррективы в фундаментальные теории общества, а в ряде случаев может даже привести к их пересмотру. Вместе с тем, глобализация не носит такого самостоятельного и целостного характера, чтобы можно было говорить о возникновении «теории глобализации». Скорее социологические наблюдения и философские обобщения в этой области призваны обогатить теории среднего уровня, прежде всего теории социально-экономического развития — «постиндустриального», «информационного» обществ и т.д. Внесение этического, нормативного измерения в соответствующий научный дискурс составляет одну из основных задач философии.

О глобализации стремятся говорить не как о явлении, а как о *динамическом процессе*, т.е. ряде легко узнаваемых тенденций (как говорил Несбит, «менатенденций»<sup>12</sup>). При этом в вопросах определения характерных черт глобализации и, следовательно, самой ее дефиниции царит вполне устойчивое единомыслие. В качестве примера стандартного определения можно процитировать результаты исследовательского проекта университета Бремена, в котором под глобализацией понимается рост интенсивности и охвата переходящих границы отношений обмена



и интеракций, будь это экономические трансакции, культурные и неформальные процессы обмена или циркуляция загрязняющих окружающую среду материалов. Другое определение, М. Кастельса, подчеркивает обретение человеческой деятельностью планетарного характера: «Под глобальной экономикой мы понимаем экономику, которая работает сообща в реальном времени в планетарном масштабе. Это экономика, в которой потоки капиталов, рынков труда, информации, сырья, менеджмента и организации интернационализируются и становятся полностью взаимозависимыми»<sup>13</sup>.

В настоящее время, помимо множества эмпирических наблюдений относительно процессов глобализации и их политических оценок, сформировалось несколько методологических подходов систематического изучения глобализации. Каждый из них восходит к определенному философскому видению сущности этих процессов.

Первый из подходов определяет результат нового качества экономических отношений в мире. Это в целом оптимистическое видение вещей опирается на позитивную оценку происходящих изменений и представлено рядом ведущих ученых и политиков: Р. Дарендорфом, Ф. Нушелером, О. Лафонтеном, Б. Клинтонем, Б. Гейтсом и др.<sup>14</sup> Глобализация, согласно этой точке зрения, есть интенсификация экономического развития, позитивно воздействующая на все прочие сферы общества. Новой оказалась тенденция к сжиманию и концентрации времени и пространства, действующая как революционизирующий экономику фактор производительности. Иначе говоря, глобализация есть новый уровень процветания. Ключевыми для понимания глобализации с этой точки зрения видятся конструктивные качественные изменения в смысле научно-технического прогресса, укрепление демократии во всем мире, повышение благосостояния людей и их культурного уровня и т.д. Глобализация дает возможность ликвидировать казавшиеся прежде непреодолимыми проблемы человечества: сократить количество международных конфликтов, включить в процесс технологического развития развивающиеся страны, победить бедность. Глобализация дает шансы, о которых человечество прежде не

могло мечтать. Благодаря ей жизнь человечества в целом становится более управляемой и гармоничной. Проблемы же, которые она несет, будут устранены с ее же помощью благодаря разумной социальной инженерии, т.е. активного воздействия на рамочный порядок общества.

Уже из изложения этих тезисов очевидны как чрезмерно оптимистическая оценка, так и односторонний подход к анализу процессов глобализации. Хотя экономика является мотором глобализационных процессов, из ее перспективы никак нельзя оценить всех последствий, инициированных ею в других подсистемах общества. Ограничен и теоретический потенциал этих концепций, исходящих, как правило, из панэкономических установок неолиберализма. Другие подходы отмечены скорее беспокойством, чем оптимизмом.

С позиций другого подхода глобализация представляет собой особое качество межкультурных и геополитических отношений. Она означает новый этап истории, сменивший порядок фрагментации колониальных держав в довоенное время и эпоху мирового противостояния во времена холодной войны. Новые проблемы, которые она несет, не проще, чем прежде. Глобализация стирает культурные границы, устанавливавшиеся тысячелетиями. Она разрушает идентичность, которая будет восстановлена другим путем. Ярким представителем этой линии анализа является С. Хантингтон. Глобализация означает для него, главным образом, рост конфликтности в мире: мир становится ареной конфликтов более мелких систем – культурно-этнических цивилизаций. Экономическое развитие в ходе глобализации изменяет геополитическую карту, что чревато множеством новых конфликтов, главный из которых лежит на границе между западной и незападной цивилизациями. Большое значение придается в этом подходе проблемам распределения ресурсов в условиях их недостатка, проблемам передела власти и т.д. Множество приверженцев этого направления концентрируются на анализе возникших геополитических конфигураций: однополюсного мира, геополитического треугольника, многополюсного мирового порядка и т.д.<sup>15</sup> Спор идет во многом относительно того, бу-



дет ли новый порядок конфликтным или мирным. Понятия цивилизационного конфликта и нового политического порядка являются здесь доминирующими.

Очевидно, что этот подход, внимательно отслеживающий реальные последствия глобализации, мало рефлектирует над ее источниками. Представители этого направления – и это относится не только к Хантингтону – опираются на традиционный категориальный аппарат, что сильно обедняет прогностические возможности их концепций. Этот подход также страдает односторонностью и несет отчетливо консервативный оттенок.

С точки зрения третьего подхода глобализация является разрушением традиционного системно-политического порядка, базирующегося на принципах государственного суверенитета и национально-культурной интеграции. Представителей этого направления более всего беспокоит стремительное ослабление традиционных инструментов политического управления и возникающий отсюда вакуум власти. В результате мир начинает развиваться сам по себе, «ускользая» от попыток его разумно упорядочить и направить. Так, популярный в Германии социолог У. Бек в рамках своей концепции «общества риска» характеризует глобализацию как процесс деполитизации и дерегулирования обществ. Власть в новых условиях разрушения традиционного политического пространства получают совершенно новые исторические актеры, такие как транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации, интересы и действия которых очень часто не могут быть поставлены под общественный контроль. Уходят в небытие основные достижения западной цивилизации – «социальное государство», «общество благосостояния», на основе которых достигнута консолидация обществ первого мира. Очевидно, что представители данного направления наиболее чутко реагируют на изменения в политической области. Глобализация ассоциируется у них с новыми угрозами – экологическим кризисом, проблемой третьего мира и т.д. В рамках этого подхода, представленного весьма авторитетными учеными<sup>16</sup>, предмет наибольшего интереса представляет определение и установление «границ глобализации», вне которых глобализация может

стать саморазрушением человечества. Они ищут «пределы роста», в рамках которых глобализация несет конструктивный характер и позитивный потенциал. Впрочем, доминирующей темой в кругу этих идей являются деструктивные процессы глобализации и возможности политического воздействия на этот ход.

С позиций четвертого подхода глобализация видится в крайне негативном свете. Это точка зрения решительных противников глобализации<sup>17</sup>. Она в особенности присуща представителям наиболее фундаменталистски и экстремистски настроенных кругов. Но недооценивать ее нельзя, учитывая что антиглобалистское движение питается преимущественно из одного источника. Данная позиция успешно доводится до общего сведения с помощью свойственных этим силам экстремистских методов<sup>18</sup>. В основании такой позиции лежит архаическая идентификация культурной традиции и религиозно-космического порядка. В процессах глобализации видится рука разрушителя божественного устройства. Перераспределение сил и ресурсов в мире, встреча с чужими культурами воспринимается как результат заговора мировой закулисы, как прямое пришествие в мир сил зла. Для борьбы с ними позволены все средства, включая террористические. Важно иметь в виду, что наступление глобализации рисуется в апокалиптических тонах не только маргиналам-террористам, но и самым широким слоям населения различных, в том числе цивилизованных, стран, тем, кого глобализация задевает своими разрушительными последствиями и кто воспринимает ее как неведомую, но легко – вплоть до персоналий – идентифицируемую силу.

Перечисленные позиции доминируют в интеллектуальном поле общественной дискуссии по глобализации, хотя далеко не исчерпывают весь спектр мнений по данному вопросу. Несмотря на совершенно разную оценку глобализации и ее последствий, для всех позиций характерно то, что в ее основу они кладут критерии, по которым оценивались предшествующие эпохи. И экономические процессы, и геополитические конstellации, и социальные кризисы, и даже крушение божественного мироустройства – все это уже было, уже ожидалось. Разумно пред-



положить, что то, что вызвало в глобализации всеобщий, шокообразный интерес, на самом деле является новым и неожиданным, тем, чего нельзя вывести из прежних эпох. Дискуссиям о глобализации часто не хватает видения будущего, определенной доли интеллектуального обновления. Соответственно, это видение должно быть положено в основу осмысления сущности глобализации. На наш взгляд, ценность теоретических воззрений К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса в значительной степени обусловлена тем, что вместе с масштабом планетарной этики в их концепции трансцендентальной и универсальной прагматики предлагаются новые интеллектуальные ресурсы для осмысления процессов глобализации.

Определяющим для характера оценки глобализации является то, какой социальный идеал положен в основу этой оценки. В зависимости от того, приближает или отдаляет глобализация от этого идеала, она предстает в позитивном или негативном свете. Очевидно, экономическая интеграция приближает мир к идеальной модели оптимального состояния экономики (по Парето), в которой сокращается стоимость транзакций, информация становится более доступной для всех участников рынка, реализуется потенциал возможных интеракций<sup>19</sup>. Столь же хорошо в глобализации узнается антиидеал «царства Антихриста», который, по преданию, должен объединить под своей властью весь мир и все религии<sup>20</sup>. Тем не менее глобализация с точки зрения этих идеальных представлений – не более чем случайная историческая констелляция. И в надежде на «шансы», и в тревоге об «угрозах» речь, как правило, идет – в инструментальном смысле – о последствиях глобализации, но не о ее сущности. Более интересны те концепции социального идеала, в самом осуществлении которых узнается идея глобализации<sup>21</sup>. С этой точки зрения, например, актуально учение Канта о «всеобщем мире»<sup>22</sup>.

Идея возможности мирного сосуществования государств, не отмеченного угрозой разрушительных войн, не так уж часто посещала воображение философов. Произведение И. Канта «К вечному миру» неизменно вызывало к себе интерес, но лишь в последние десятилетия его идеи перестали восприни-

маться как шутка философа или утопия. Опыт мировых войн и угроза еще более ужасающей ядерной войны *de facto* привели ведущие державы мира к отказу от войны как средства решения конфликтов между собой. Тесная экономическая интеграция, например, в ЕС, послужила другим источником приближения к ситуации «вечного мира». Оба эти фактора назывались Кантом. Но суть жизнеспособности идей Канта заключалась не в отдельных аргументах «за» и «против» мира или войны, а в заложенном здесь представлении об идеальном международном порядке. По мысли философа, ни люди, ни народы, коль скоро они ставят целью совместное общежитие, не должны находиться в «естественном состоянии», но должны устанавливать гражданско-правовое состояние между собой. Тем, что некто вступает в гражданско-правовое состояние, т.е. обязуется не нарушать чужих прав, он дает гарантии безопасности, которые вправе требовать и от другого. По отношению к государствам такое состояние означало бы существование союза народов, который Кант обозначает как федерацию свободных государств, отличая его от устройства государства народов. «Этот союз имеет целью не завоевание власти для какого-либо государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, что, однако (как это относится и к людям в естественном состоянии), не вынуждает их подчиняться публичным законам и обусловленным ими принуждениям»<sup>23</sup>. Не скрепленное силовыми санкциями, это состояние, тем не менее, полностью бы отвечало идее права, которая, по Канту, заключается в добровольном, исходящем из свободы согласия на подчинение закону. Идеал вечного мирного союза предполагает, собственно, лишь то, что государства находятся на такой высоте правового сознания, когда ни одно из них добровольно не выходит из гражданско-правового состояния, т.е. все вместе они образуют «суррогат гражданского общественного союза»<sup>24</sup>.

Кант усилил тезисы Гуго Гроция о нормах международного правового порядка и рядом с понятием международного права поставил право всемирного гражданства. Это



право вытекает из того, что люди и государства могут рассматривать себя как принадлежащие всему человечеству и «граждане общечеловеческого государства». Это право Кант конкретизирует (и ограничивает) лишь обязательством гостеприимства, которое, вписываясь в традиционные неписанные правила человеческого поведения, способствует развитию сношений людей между собой и впоследствии будет «все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству»<sup>25</sup>. Но это дополнение (обязательства гостеприимства) не является несущественным: оно исходит из представления о высшем достоинстве и свободе человека как исходном пункте правового порядка.

Кант подчеркивает, что всеобщая приверженность всемирно-гражданскому праву является необходимым условием возможности союза государств, направленного к вечному миру, ибо «нарушение права в одном месте чувствуется во всех других»<sup>26</sup>. Только при обеспечении универсальности этого принципа такое состояние становится реальным. Другая предпосылка – наличие в государствах республиканского устройства, под которым Кант (противопоставляя его демократии) понимает реализацию принципов свободы и равенства граждан в государстве, а также осуществление разделения властей. Поскольку философ практически отождествляет республиканское устройство с правовым (конституционным), постольку очевидно, что вне полной реализации правового устройства внутри обществ (правовой общественный договор граждан) недостижимо правовое состояние между обществами (правовой федеративный союз между государствами)<sup>27</sup>.

Таким образом, представление об универсализме гражданско-правового состояния во всемирном масштабе, лежащее в основании идеи о вечном мире, вполне может служить идеалом, с которым ассоциируется понятие глобализации. История последних десятилетий неожиданно подтвердила прозрения Канта хотя бы в тенденции: с того момента, когда костяк культурных государств приобрел демократическое устройство (здесь взгляды Канта должны быть скорректированы), когда интенсивные взаимодействия привели эти государства к большей степени

взаимной интеграции и вызвали укрепление международного правового порядка, когда традиционный кодекс международного права был дополнен представлениями о правах человека как высшем правовом основании всемирно-гражданского права, – с этого момента мирное сотрудничество народов, отвергающих возможность взаимной войны, становится все большей и большей реальностью.

К концепциям, в которых идея глобализации узнается в наиболее чистом виде, бесспорно, принадлежит учение о «неограниченном коммуникативном сообществе». В самом понятии такого сообщества имплицитно заложены черты и процесса, и результата, и целей глобализации. Рассмотрим эти черты.

1. Планетарная этика. К конститутивным определениям коммуникативного сообщества принадлежит то, что оно является единым и планетарно глобальным. В нем становится возможным единый глобальный мега-дискурс, конкретизированный в бесчисленных иерархиях практических дискурсов общественности. Существенной чертой при этом является то, что человеческое сообщество в идеале является неограниченным, то есть в нем преодолеваются все реальные – временные, пространственные, физические, институциональные и пр. – помехи коммуникации.

2. Универсальная этика. Каждый возможный участник становится тем самым полноценным участником дискурса, интересами которого невозможно пренебречь. Тем самым создается методологическая основа для решения проблемы партикуляризма, которой в философской дискуссии о глобализации отводится важное место. Уже было сказано о том, что идеал «неограниченного коммуникативного сообщества» выполняет функцию «предельного понятия», какую в платонизме, например, играет идея Блага, а в марксизме – идея совершенного бесклассового общества. Идеал совершенного коммуникативного сообщества имеет ту особенность, что критерием совершенства здесь не является объективное субстанциальное (партикулярное) статичное состояние, которым может быть, например, гармоничность общественных отношений (в марксизме), завер-



шенность автопоэтической системы (Луман) и т.д. Сообщество является коммуникационным только при том условии, если его члены являются – в динамическом смысле – полноценно коммуницирующими личностями, если их интересы могут быть свободно выражены и принимаются во внимание в совместном дискурсе.

3. Этика достоинства и прав личности. Выдвигая требование равенства всех в коммуникации, Апель ставит во главу угла личность, ее права и интересы. Институциональная система коммуникативного сообщества имеет служебное значение: она должна обеспечивать беспрепятственное осуществление дискурсов и выполнять служебную цель удовлетворения коммуникационных потребностей личности. Аппроксимативное приближение к идеалу коммуникативного сообщества означает все большую модификацию системно-институциональных факторов в направлении утверждения ценности человеческой личности и ее свободы в равенстве коммуникации.

4. Ограничение компетенций институциональных субъектов международного дискурса, т.е. коллективных представителей граждан, таких как государства, организации, сообщества. В той мере, в какой институты организуют дискурсы внутри охватываемых ими сообществ и представляют их результаты через каналы институциональных дискурсов, для них открываются возможности создания иерархии дискурсов на международном уровне, где уже может реализовываться представление о справедливости в отношениях между народами. Императив *дискурсивного управления*: каждый народ имеет право на собственную культуру, каждый народ должен иметь в международном диалоге равное право голоса.

Вследствие перечисленных особенностей концепция коммуникативного сообщества открывает возможность такой интерпретации процессов глобализации, подобной которой не дают иные системные концепции: речь в ней идет не о меркантильных выгодах и упущениях, к чему часто сводятся разговоры о глобализации, а о нормах справедливости. Улучшая условия коммуникации и ликвидируя существовавшие прежде барьеры, глобализация с этой точки зрения служит

реализации духовного потенциала личности и устранению обусловленного случайными дистрибутивными факторами неравенства людей. Уважая право народов на собственную культуру и судьбу, она позволяет установить в отношении между ними универсальные этические масштабы, пронизанные заботой о культуре и выживании человечества как целого. Путем глобализации сокращается расстояние между идеальным и реальным коммуникативным сообществом, осуществляется комплекс мер, укрепляющих основания постконвенциональной практики достижения управленческих задач. Таким образом, глобализация получает позитивное этическое значение как в смысле основополагающего «дискурсивного принципа», так и в смысле «принципа дополнительности». Это открывает путь к осмыслению динамики глобализации не из внешней позиции полагания «границ глобализации», а из внутренней перспективы окончательного обоснования этики и допустимого.

Расхождение между идеальным и реальным коммуникативным сообществом становится, таким образом, основным критерием оценки глобализационных процессов, а анализ искажений коммуникации или способов приближения к нормам идеального коммуникативного сообщества является основным инструментом теоретического анализа. Очевидно, что не только теоретический инструментарий дискурсивной этики представляет интерес для анализа глобализационных процессов, существует и обратное отношение: процессы глобализации исключительно интересны для самой дискурсивной этики. Учитывая, что процессы глобализации определяют не периферийный сегмент становящегося коммуникационного порядка, а его содержание и сущность, глобализация претендует на статус одного из центральных объектов исследования в структуре прикладной части дискурсивной этики.

Перспектива дискурсивного управления позволяет не только диагностировать позитивные и негативные тенденции в ходе глобализации, но и осуществлять в порядке саморефлексии человечества конструктивную самокоррекцию глобального развития. Поскольку из этой перспективы можно судить об этическом смысле процессов глобализа-





ции, указанная самокоррекция опирается не на произвольный (системный и стратегический), а на этический масштаб: процесс глобализации должен протекать так, чтобы посредством ее укреплялся, а не ослаблялся этический порядок человеческого общежития. Этот подход не мешает признать, что в ходе процесса глобализации могут возникать глубокие кризисы, но он дает одновременно ориентиры, как решать эти проблемы, не сходя с верного, этически обоснованного пути. Он позволяет оценивать, какие из кризисов несут в себе угрозы, а какие обусловлены неадекватной реакцией на новые тенденции.

Выбор концепции «коммуникативного сообщества» в качестве фундамента «этики глобализации» предполагает особую интерпретацию процессов глобализации. Ключевым в этой интерпретации должен стать анализ процессов информатизации и коммуникации в глобализирующемся обществе. Говоря о глобализации, нужно попытаться преодолеть односторонность имеющихся подходов и по мере возможности синтезировать различные подходы, имея в виду, что глобализация – результат целого комплекса инновационных факторов, вызывающих фундаментальный цивилизационный поворот в истории человечества.

#### Примечания

<sup>1</sup> *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Oxford, 1989; *Ibid.* Justice, Nature and Geography of Difference. Cambridge, 1996.

<sup>2</sup> *Wieland J.* Globale Wirtschaftsethik. Steuerung und Legitimität von Kooperation in der Weltökonomie // Kettner M. (Hrsg.) Angewandte Ethik als Politikum. Frankfurt a.M., 2000. S.367.

<sup>3</sup> «Ядро глобализации – расширение международного разделения труда» (*Franzmeyer F.* Welthandel und internationale Arbeitsteilung // Faulenbach J. (Hrsg.) Globalisierung. Ser. Informationen zur politischen Bildung. Bd.263. Bonn, 1999. S.8).

<sup>4</sup> *Burnham J.* The Managerial Revolution. N.Y., 1941.

<sup>5</sup> *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С.546 и далее.

<sup>6</sup> Уплотнение времени–пространства и комплексность действия–информации еще не достаточны для объяснения того, что совершается при глобализационных процессах. Достаточно обратить внимание на то, что пространство не сжимается там, куда нет оперативного доступа; так, для граждан Советского Союза в определенном смысле не существовало пространства вне «шестой части Земли», так как практически не было возможности там оказаться. То же верно и сегодня в отношении граждан третьего мира, экономические препятствия для которых не легче преодолемы, чем политические у советских граждан. Только

тогда, когда все государства мира политически открываются для других, становится возможным эффект компрессии времени–пространства–действия.

<sup>7</sup> Подобно тому, как идея релятивистской теории относительности заключалась в открытии существования нескольких систем координат для одних и тех же событий, регистрируемых из различной перспективы наблюдателя, точно так же при глобализации открывается возможность обнаружить существование разных перспектив и систем координат на те же события в мире.

<sup>8</sup> *Hinkelammert F.* Globalisierung und Ausschluß aus latein-amerikanischer Sicht // Fornet-Betancourt R. (Hrsg.) Armut im Spannungsfeld zwischen Globalisierung und dem Recht auf eigene Kultur. Frankfurt a.M., 1998. S.92.

<sup>9</sup> См.: *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. Наиболее серьезным и всеобъемлющим исследованием о глобализации, на наш взгляд, является книга Альтфатера.

<sup>10</sup> См.: *Beck U.* Was ist Globalisierung? Frankfurt a.M., 1999; *Ibid* (Hrsg.) Politik der Globalisierung. Frankfurt a.M., 1998.

<sup>11</sup> Международная интеграция начала XX в. была остановлена Первой мировой войной, интенсивное развитие международной торговли в 20-е гг. – Великой депрессией 1929–1933 гг. и Второй мировой войной.

<sup>12</sup> *Naisbitt J.* Megatrends. N.Y., 1982.

<sup>13</sup> *Castells M.* European Cities, the Informational Society and the Global Economy // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, L., 1993 (84). P.249.

<sup>14</sup> *Darendorf R.* Quadrare il cerchio. Benessere economico, coesione sociale e libertà politiche. Rom/Bari, 1995; *Nuscheler F.* Entwicklung und Frieden im Zeichen der Globalisierung. Bonn, 2000; *Lafonten O.* Globalisierung und nationale Zusammenarbeit // Beck U. (Hrsg.) Politik der Globalisierung. Frankfurt, 1998. S.254–263; *Clinton B.* The Struggle for the Soul of the 21st Century // Richard Dimberly Lecture. 07.01.02 ([http://www.bbc.co.uk/arts/news\\_comment/dimbleby/print\\_clinton.shtml](http://www.bbc.co.uk/arts/news_comment/dimbleby/print_clinton.shtml))

<sup>15</sup> *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998; *Яковец Ю.В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.

<sup>16</sup> *Altwater E., Mahnkopf B.* Grenzen der Globalisierung, Münster, 1996; *Rodrik D.* Grenzen der Globalisierung. Ökonomische Integration und soziale Desintegration. Frankfurt; N.Y., 2000.

<sup>17</sup> *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализация: Атака на процветание и демократию. М., 2001; *Голандский М.М.* Взлет и падение глобальной экономики // Учен. зап. Ин-та Африки РАН. М., 1999. Вып.6.

<sup>18</sup> Имеются в виду экстремистские методы антиглобализационного движения, демонстрируемые на форумах политических лидеров (Сизтл (1999), Прага (2000), Генуя (2001)). Следует подчеркнуть, что антиглобализационное движение в целом имеет мирный характер (см.: *Видеман В.* Пражская осень–2000 // НГ-Религии. 2000. №19(66), 11 окт.).

<sup>19</sup> Критерий оптимально построенного общества в смысле либеральной экономической модели сформулировал В. Парето (хотя сам не был либералом): в таком обществе уже не может более быть улучшено состояние ни одного участника рынка без того, чтобы не ухудшить положение других участников (см.: *Сен А.* Об этике и экономике. М., 1996. С.53 и далее).



<sup>20</sup> Ср. заявление: Духовные и социальные проблемы глобализации: Материалы конф. 3–4 мая 2001 г. СПб., 2001.

<sup>21</sup> Любопытно, что глобализация как таковая не просто никогда не фигурирует в общественной дискуссии как желаемый идеал, но в своем завершенном виде – в качестве «глобального миропорядка» или «мирового государства» – стала устойчивым пугалом общественности. Тем самым, говоря о глобализации как о процессе или тенденции, участники дискуссии снимают с себя ответственность за осмысление состояния, к которому ведут эти процессы.

<sup>22</sup> Упоминаемые в этой связи марксова бесклассовая «Ассоциация свободных производителей» или образ Царства Антихриста такими концепциями не являются. В них совершенное состояние формулируется как целостность развития, трансцендентный истории идеал.

<sup>23</sup> *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т.1. С.391.

<sup>24</sup> Там же. С.393.

<sup>25</sup> Там же. С.399.

<sup>26</sup> Там же. С.403.

<sup>27</sup> Кант выдвигает еще одну гарантию возможности состояния вечного мира – целесообразность природы, которая, разводя людей и народы, заставляет их ради собственного же выживания сходиться и взаимодействовать вместе. Но этот аргумент можно рассматривать в рамках конструкции идеального правового состояния международного сообщества скорее метафизическим аргументом *ad hoc*.